

ББК
УДК 882.09

Д. В. Чернявская
D. Chernjavskaja
г. Волжский, МБОУ СШ № 11
Volzhsky, MBEI SS № 11

МИРООБРАЗ ДЕТСТВА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
Л. Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ
THE WORLD-MAKING CHILD HOOD IN THE AUTOBIOGRAPHICAL
PROSE BY L. D. ZINOVIEVA- ANNIBAL

Аннотация: Л. Д. Зиновьева-Аннибал в прозаическом цикле «Трагический зверинец» показала историю своего детства. Образ детства служит писателю инструментом для поиска истоков личностного самосознания.

Ключевые слова: Л. Д. Зиновьева-Аннибал; автобиографический цикл «Трагический зверинец»; миробраз.

Abstract: Zinovieva had showed the story of her childhood in the poetic cycle «Tragic in menageric».

Keywords: Zinovieva-Annibal; the autobiographical cycle «Tragic in menageric», world-making.

Общепризнанным фактором любого автобиографического повествования является желание воспроизвести прошедшее в том неповторимом виде, в котором оно было явлено тогда, и оценка этого воспоминания о прошлом сквозь призму неизбежного «теперь». Поэтому одиночное событие прошлого растягивается, концентрируя в себе как ход жизни индивида, так и общественную историю. Поскольку временная дистанция между автобиографическим персонажем и писателем совершенно очевидна, читателю предоставляется возможность ответить на интересный вопрос Е. Баратынского: «Подумай, мы ли переменили жизнь свою, иль годы нас переменили» [1, с. 83]. Говоря словами М. Г. Уртминцевой, смысловой код в таких случаях выступает в форме образа, расшифровка которого возможна в процессе воспроизведения определенной «игровой» структуры: в создании ее принимают участие автор и читатель» [6, с. 34–35].

Л. Д. Зиновьева-Аннибал в прозаическом цикле «Трагический зверинец» показала отчасти историю своего детства: «Мои постоянные падения и постоянные грехи приводили меня несколько раз к отчаянию, несколько раз мне казалось, что я не могу идти прямой дорогой, и потому подобные грешные мысли забирались в мое сердце» [1, с. 99]. Итак, образ детства служит писателю инструментом для поиска истоков личностного самосознания.

В потоке воспоминаний писательница воспроизводит не только восприятие прошлого, но и мысли об условном настоящем и условном будущем – то, что героиня думала *когда-то*: «Весною мы поедем в деревню, и я увижу своих зверей. У меня их много: больших и маленьких, диких и ручных... Но мысли мои

стали глухими под подушкой, пропитанной жирным запахом помады-гелиотроп. Да и не знаю даже я теперь, хочу ли видеть своих зверей?...» («Мошка») [2, с. 100].

В художественном тексте мы можем также наблюдать реализацию приема *остранения*, характерного для произведений о детстве. По выражению М. Л. Новиковой, остраненное мирозерцание представляет собой «... акт удивления миру, его обостренное восприятие» [5, с. 22]. Использование указанного приема позволяет представить в художественном произведении события в особом экспрессивном освещении. Например, так видит девочка появление головастика («Чудовище»): «Вскоре стали расти черные зернышки и куда-то стаивать студень ягодок. И вдруг я увидела, что у каждого зернышка выросло по хвостику» [2, с. 88]. Воссоздавая процесс освоения мира словом, писатель как бы моделирует процесс именованности: «У Жури одно крыло плохо работало, и к тому же ему подстригли на обоих крыльях перья, чтоб он не смог улететь... Журия – моя крылатая собака, мой легкий, свободный друг!» [2, с. 55]. При этом «свой» мир обычно представлен хорошо известными герою предметами и лицами, для «чужого» мира характерны «... текучесть, нерасчлененность объектов, неопределенность или неизвестность реалий» [4, с. 67]. Наибольшими экспрессивными возможностями в тексте обладает остранение, связанное с переносом значения [4, с. 68].

«Свежесть восприятия» диктует автору порой неожиданный ракурс изображения. Так, например, в рассказе «Журия» автор в форме несобственно-прямой речи приводит восклицание птицы, а также мысли девочки о журавле: «Черви! Черви! У, какие чудные черви! Розовые. Нет, такие жирные, что даже желтоватые, как семга, которая в посту. Лежат на навозной земле, едва движутся. Журия с жирным клочкотанием глотает их одного за другим. Вот пир! Жаль, что не могу! Ну все равно: я же понимаю, как это вкусно, как это ужасно вкусно!» [2, с. 56]. В этом фрагменте не только выражается «странное» видение ребенком происходящего, но также подчеркивается важная психологическая особенность детского мировосприятия – стремление познать мир в его многогранности, увидеть его глазами другого, даже птицы. На наш взгляд, остранение в прозе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал является не только приемом воспроизведения детского взгляда на мир, но и общим принципом организации художественного мира «Трагического зверинца», проявляющимся в следовании за ребенком.

Воспоминание дискретно, авторское сознание избирательно: эпизоды, которые, возможно, значительно отделены друг от друга хроникально, согласно воле автора близки текстуально. Их связь основана на единстве эмоций: например, эпизоды игры девочки с медвежатами и шалости медведей (воровство сладкого со стола) («Медвежата»).

В «Трагическом зверинце» представлены примеры монтажа точек зрения. Так, в рассказе «Журия» в одном абзаце совмещаются точки зрения взрослой рассказчицы, героя-ребенка и даже птицы: «Там он жил, там питался *чудными червями* («точка зрения» Жури) в жирных грядках малинника и гусеницами. Там

я с ним проводила блаженные часы нашей дружбы. Он был такой веселый и озорник!» [2, с. 55]. «Чудные черви» даны здесь с „точки зрения“ птицы, что в свою очередь преломляется воспринимающим детским сознанием.

«Автобиография – одно из средств самопознания благодаря тому, что она переконструирует и интерпретирует жизнь в ее целостности» [3, с. 14]. Подчеркнем, что автореминисценции Л. Д. Зиновьевой-Аннибал напрямую связаны с фактами ее биографии: «бунт» матери, переживающей смерть ребенка; именование героинь разных произведений именем Вера (имя дочери), эпизоды, связанные с детством писательницы (гибель прирученных животных). Итак, «... автобиография – это второе прочтение человеческого опыта, и оно более верное, чем первое, поскольку к самому жизненному опыту добавляет его осмысление» [3, с. 14].

Библиографический список

1. Баратынский, Е. А. Полное собрание стихотворений / Е. А. Баратынский. – 3-е изд. – Л., 1989.
2. Зиновьева-Аннибал, Л. Д. Тридцать три урода : романы, рассказы, эссе, пьесы / Л. Д. Зиновьева-Аннибал. – М. : Аграф, 1999. – 496 с.
3. Кучина, Т. Г. «Я»-повествователь как «ненадежный читатель» автобиографического претекста в русской прозе конца XX – начала XIX вв. / Т. Г. Кучина // Филологические науки. – 2007. – № 2. – С. 14–21.
4. Николина, Н. А. Прием остранения в художественном тексте (На материале произведений о детстве) / Н. А. Николина // Русский язык в школе. – 1989. – № 5. – С. 66–73.
5. Новикова, М. Л. Остранение как вариант языковой образности и концепции теории повествования / М. Л. Новикова // Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 17–28.
6. Уртминцева, М. Г. Смысловые коды и способы их дешифровки в произведениях мемуарно-биографического жанра / М. Г. Уртминцева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Филология. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2002. – Вып. 1(2). – С. 34–35.